

тебя со мною; ахъ, слишкомъ много! (Начинаетъ разсказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку).

Заруцкій:—Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томить и волнуетъ твою душу. Глаза черно-бровой красавицы, раг ехемпле.

Юрій:—Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха! ха! ха! (Молчаніе).

Заруцкій:—Да что же? Мнѣ любопытно знать!.. Кстати, вышей-ка стаканъ! (Взявъ за руки). Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя!..

Юрій (выпивъ): — Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ остывшихъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей. «

Заруцкій:—Вотъ мы, гусары, такъ этими пустынями не занимаемся; намъ жизнь—копейка, за то и проводимъ ее хорошо.

Юрій:—Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить всѣ мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнѣнія... Я не знаю, отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ холодными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ—кромѣ тебя; но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба—все посыпалось на голову мою, какъ будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась—а я стоялъ какъ камень—безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку—и услышалъ насмѣшливый хохотъ—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ: меня никто послѣ тебя не понималъ... Однако жъ ты мнѣ возвращаешься снова! не правда ли?

Заруцкій:—О, государи! нашъ мудрый государи! если бы ты зналъ, какимъ гидраманъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ рекомендуешь лучший цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать? одинъ Богъ всевѣдущъ!.. Чортъ меня деря, если я не изрублю этого... злодѣя, когда онъ мнѣ попадется—онъ многихъ сдѣлать несчастливymi.—Продолжай, другъ мой!..

Юрій:—Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцемъ моимъ, и это все на меня упадетъ. Наконецъ, я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятности не смущали насъ—я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчить!..

Заруцкій:—Эхъ, любезный! чортъ съ нами!.. всѣхъ не исправишь!

Юрій:—Еще (беретъ его за руку) знаешь ли? Я люблю!..

Заруцкій:—Ну, такъ! безъ этого не обойтись!—Въ кого, скажи мнѣ, въ кого ты влюбленъ—я помогу тебѣ! На то и созданы гусары: пошалить, подражаться, помочь любовнику и попировать на его свадьбѣ.

Юрій:—На свадьбѣ? Кровавая будетъ свадьба! Она никогда не будетъ мнѣ принадлежать—зачѣмъ же называть ее? Я хочу погасить послѣднюю надежду—я не хочу любить, а все люблю!..

Заруцкій:—Послушай, братъ! знаешь ли, я самъ люблю и не знаю, любимъ ли я; мнѣ стало жалко тебя, ты очень несчастливъ. Послушай! зачѣмъ ты не пошелъ въ гусары? Знаешь, какое у насъ важное жите—какъ братья! А повѣрь, куда бабы вмѣшаются, тамъ хорошаго немного будетъ!

Юрій (въ сторону): —О, если бъ ты зналъ, что я люблю дочь моего дяди, ты не сраививалъ бы себя со мною. (Вслухъ). Я їду въ чужіе края—оставляю всѣхъ—родину—можетъ быть, это поможетъ моему разсѣяно.

Заруцкій:—Твой отецъ здѣсь и дядя, и кузины!.. ихъ двѣ?..

Юрій (съ примѣтнымъ смущеніемъ): —Да! да—они всѣ прїѣхали со мной проститься!.. и мы съ тобой снова разстанемся!..

Заруцкій:—Твое воображеніе разстроено, мой милый! ты боленъ.—Зачѣмъ тебѣ ѣхать отъ насъ? Повѣрь мнѣ, „той страны нѣтъ краше и милѣе, гдѣ наша милая, иль гдѣ живетъ нашъ другъ“.

Юрій:—Зачѣмъ разувѣрять меня, зачѣмъ останавливать несчастнаго. Неужели и ты противъ меня, неужели и ты хочешь моей гибели, и ты измѣнилъ мнѣ, скажи мнѣ просто, что ты думаешь? Быть можетъ, ты хочешь посмѣяться надо мной, надъ безнадѣжной моей любовью такъ, какъ нѣкогда у меня былъ другъ, который хохоталъ—долго этотъ хохотъ останется въ моемъ слухѣ! Ахъ! имѣй немного состраданія; столько, сколько человѣкъ можетъ имѣть—оставь меня лучше!

Заруцкій:—Бѣдный, въ какомъ онъ безуміи; зачѣмъ я коснулся его живой струны? (Къ Юрію). Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..